

Б И Б Л И О Т Е К А

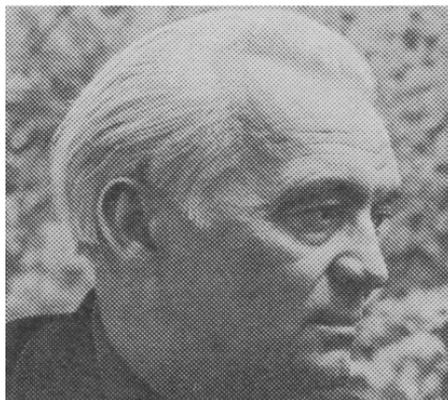
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 40

1986

Микола УПЕНИК

УКРАИНСКАЯ
ДУМА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 40

Микола УПЕНИК

УКРАИНСКАЯ
ДУМА
СТИХИ

Перевод с украинского

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1986

Микола УПЕНИК

Микола (Николай Александрович) Упеник родился в 1914 году в слободе Платово-Ивановка Родионово-Несветаевского района Ростовской области в семье рабочего.

Пятнадцатилетним юношей по окончании семилетки вступил в школу ФЗУ при заводе имени В. И. Ленина в Луганске (ныне Ворошиловград). А потом на том же предприятии работал слесарем.

В 1936—1938 годах учился в Литературном институте имени А. М. Горького в Москве. В 1940 году окончил вечернее отделение Ворошиловградского педагогического института.

С первого дня Великой Отечественной войны как солдат известного Таращанского стрелкового полка принимал участие в боях на Юго-Западном фронте, затем — в обороне Киева и Сталинграда, в освобождении Украины и Молдавии. Награжден орденами Отечественной войны I и II степеней, многими медалями. Член КПСС с 1932 года. Лауреат литературных премий имени А. А. Фадеева и Международного союза поэтов-лауреатов (Филиппины). Ему также присвоено звание «Заслуженный деятель для польской культуры».

Первый сборник стихов вышел в 1935 году. В Москве на русском языке — книги «Краснодонская тетрадь», «Огонь не гаснет», «Солнце над городом», «Солдатская баллада», «Стихотворения и поэмы». Всего издано свыше сорока книг.

ИМЯ ЕГО

Когда я нынешней порою
опять задумаюсь о нем,
земля шахтеров предо мною
встает седым январским днем:
и плач гудков, и стоны вьюги,
и черный креп над кумачом,
и горе сумрачной округи
в часы прощанья с Ильичем...
Когда же на моем заводе
мне на заре рабочих лет
при трудовом честном народе
вручали в цехе партбилет,—
тогда, перед друзьями стоя,
плечом к плечу с кем жил и рос,
я имя Ленина святое,
как слово клятвы, произнес.
Когда с бойцами по Волыни
спешил я на военный Буг,
глотнув не горький дух полыни,
а дым, стелившийся вокруг,—
тогда, парторг, я бросил слово
солдатам взвода моего:
— За дело Ленина родного,
за имя светлое его!
Когда я шел из окруженья
с бойцами своего полка,
во тьме давало направленье,
пылало светом маяка,
владело мыслями моими,
в которых вся моя судьба,
родное Ленинское имя,
а значит,— воля и борьба.
Когда на стены Сталинграда
в тот самый тяжкий год войны

фашистов хлынула армада
и большей не было волны,
то мы под склонами крутыми
стояли из последних сил,—
над Волгой Ленинское имя
здесь каждый вновь произносил.
Когда по милой Украине
от опаленных берегов
и от прославленной твердыни
на запад гнали мы врагов,
освобождая с каждым шагом
простор израненной земли,
под боевым гвардейским стягом
мы имя Ленина несли.
Когда, разбитый нашей силой,
упал поверженный Берлин,
с востока солнце нам светило
среди дымящихся руин,
тогда, в своем победном марше
оглядываясь на восход,
мы кланялись твердыне нашей,
откуда начали поход.
Когда разрушенный войною
Донбасс мы поднимали свой,
народ, вернувшийся из боя,
пошел на подвиг трудовой,
пошли шахтеры-побратимы
и в глубину своей земли
святое Ленинское имя,
как светоч доблести, несли.
Когда в космические дали,
в миры невиданных высот
к Луне мы спутник наш послали
наш знаменитый луноход,—
для нас особым смыслом стало,
венцом свершения всего,
что имя Ленина сияло
на гордом выпепеле его.
В моем краю, родном и милом,
всегда, везде, в любой дали
он возвышается над миром,
бессмертный Коммунист Земли:
с лучами солнца золотыми
приходит в души и в дома
его немеркнущее имя,
как Революция сама.

УКРАИНСКАЯ ДУМА

Бойцам Таращанского полка

Я вспоминаю день войны,
июньский день в песках Волыни:
как туча, с вражьей стороны,
прогорклей запаха полыни,
к востоку неся черный дым,
и торопился вслед за ним
людской поток по Украине.
К востоку... Тяжкий, скорбный путь.
Тревога, боль за все родное.
Детишки плачут. Пыль, как муть,
на все ложится серым слоем.
И даже солнца ржавый диск
вверху беспомощно повис
над пылью, поднятой толпою.
И таращанцев первый бой
навекы память сохранила:
я помню, как они стеной
встречали вражескую силу —
багровым стал прозрачный Буг,
покрылось мглою все вокруг,
и утро ночи не сменило...
Но среди грохота и тьмы
тогда, в тревожную минуту,
сердцами вновь познали мы
родство семьи своей единой:
узбек, и русский, и грузин,
и молдаванин, и мордвин —
все вышли в бой за Украину.
За нашу общую судьбу,
за все, что нашим людям свято,
мы вышли вместе на борьбу
и вместе жаждали расплаты,—
объединились под одним
священным стягом боевым
единой армии солдаты.
Земля пылала, как скирда,
но мы спешили к полю боя,
верны своей стране труда,
готовы жертвовать собою,
мы были перед ней честны

и смело шли в огонь войны
с душой открытой и прямою.
Вы были ранены в бою,
для нас родимый дом покинув,
Кара-оглы — Аму-Дарью,
Артик — Ферганскую долину;
в чащобе ковельских дубров
лилась обильно ваша кровь
за землю нашей Украины.
И вы погибли в эти дни,
со славой головы сложили,
мой командир Кучкар Айни,
боец Шота Арсеношвили,
к вам с грустью шлю, мои друзья
в леса Волыни песню я —
отдать земной поклон могиле.
Мы хоронили без речей
тех, кто погиб на поле боя,
тех, кто у вражеских траншей
упал на запад головою,—
мы говорили: «Отомстим!» —
и грозно сквозь огонь и дым
катилось эхо громовое.
«Отмщенье!» — втрила земля,
гудя под нашими ногами.
Сыны Боженко Васыля,
мы были храбрыми сынами,
и освященный прошлым стяг,
не раз прославленный в боях,
высоко реял над бойцами.
В нем было что-то, что вело
на подвиг нас неустрашимо,
само бессмертие жило
в его полотнище незримо,
мы присягали перед ним,
багряным стягом полковым,
на верность Родине любимой.
Волынь, печальный край... Бредет
селом последний взвод к востоку.
На нас дивчина из ворот
глядит, тиха и одинока.
На всех фронтах военных лет
ее печаль за мною вслед,
как тень, брела немym упреком...

По дозревающим полям
мы долго с боем отходили,
невыносимо было нам,
но мы пощады не просили,
хоть было очень тяжело,
мы высоко несли чело,
и не сковало нас бессилье.
И знали мы: наступит час,
ударят тысячи орудий —
на запад двинемся, где нас
в неволе ждут родные люди:
раз непокорна и жива,
стоит незыблемо Москва,
мы непременно дома будем.
Я помню ясно: за Днipro
мы отходили после боя,
и сводки Совинформбюро
нас задевали за живое,
и тень от черного крыла
в холодном сентябре легла
между Хоролом и Десною.
Мы шли на выстрелы войны,
кто как умел, и то ночами,
боялись страшной тишины,
не сотрясаемой громами.
Я, сторонясь больших дорог,
шел, пробираясь на восток,
и под шинелью прятал знамя.
Все было прежним и другим:
хлебами полнились долины,
а под покровом золотым
лежали мертвы и пустынно.
Я думал ночью, думал днем:
пусть тяжело, но мы вернем
тебе свободу, Украина!
Нет, мне не надо ни садов,
ни тихих плесов на Хороле,
ни птиц, ни песен, ни прудов,
когда не будет прежней воли.
Я вольным жил, я вольным рос,
не знал беды, не ведал слез —
и не смирюсь с иною долей.
К востоку все вперед, вперед
я брел безлунными ночами,
под утро кончив переход,

земли не чуя под ногами,
впадал не в сон, а в забытье,
и ночью нес опять свое
врагам не отданное знамя.
Меня однажды привела
тропа, поросшая травой,
к плетням какого-то села,
что тихо спало над рекою.
Березоточа! На войне
ты вспоминалась часто мне
своею ласкою людскою.
Поныне вспоминаю я
над самым берегом хатенку,
где Коломийчиха меня
пригрела, словно мать ребенка,
где муж ее, бывалый дед,
мне подал не один совет
и вывел из села сторонкой.
Ведь где-то в пламени войны —
в июне, может быть, в июле —
шли Коломийцевы сыны
и, верно, горя там хлебнули...
Дед проводил меня, потом
следил, укрывшись за кустом, —
посты немецкие пройду ли?..
А я побрел на Ромодан,
пропал в долинах, скрытых мглою
осенний ветер и туман
тогда блуждали над Сулою,
да пьяный недруг, голося:
«Москва моя, Москва моя», —
мне душу жег насмешкой злою.
О, как хотелось мне, Москва,
в холодной мороси осенней
услышать вновь твои слова,
рассеять все мои сомненья!
И вот на Псле услышал я
немолчный гром. Москва — моя,
раз не смолкает гром сражений!
Я плакал, не скрывая слез,
когда доставил на рассвете
в село Великий Перевоз
меня рыбака. В минуты эти
я будто снова был рожден.

Меня саперный батальон
в то утро как родного встретил.
Гостеприимства от души
и русской дружбы не забуду...
Снежок поля запылил
и пеленою лег повсюду.
Я отдохнул. Среди зимы
в России полк собрали мы,
на запад выступив оттуда.
Хоть рядом был передний край,
в тепле воронежского зала
нам пела Лысенка Гайдай
вдвоем с Платоновым, бывало.
Прервалась песня как-то раз,
и встали — помню, как сейчас,—
все, от бойца до генерала.
Стучали радостно сердца
и песню слышали иную —
она неслась из-за Донца,
будя, взрывая тьму ночную,
звучала торжеством она —
там пехотинцы Кутлина
ударил на Лозовую.
И мы увидели вдали,
во мгле, за вьюгою слепою,
кочок своей родной земли,
вчера обратно взятый с бою.
О, пепел Чепеля! Везде
жестоко мстить лихой орде
мы дали клятву над тобою...
Но летом двинулись фронты
назад печальными путями,
и черной свастики кресты
прошли казачьими степями...
Я передумал столько дум!
Змиев, Барвенково, Изюм
и вся Донеччина — за нами...
Под Сталинградом часто мне
в окопах снилась Украина:
Днипро, безбрежный по весне,
в немолчных песнях соловьиных,
лиманы, где бывал не раз,
и славный Киев, и Донбасс,
и шахт подземные глубины.

Тогда, на дальнем рубеже
в минуты редкого покоя
мы согревались в блиндаже
Шевченка песнею простою,
его бессмертные слова:
«Сердитый вітер завива», —
неслись над Волгою-рекою.
Мы пели все, как земляки,
хоть с нами были и казанцы,
дрогобычане, туляки,
старобельчане и кубанцы.
Добром в отплату за добро,
как россияне за Днипро,
за Волгу бились таращанцы.
Настал суровый листопад,
поднялись недругам навстречу,
пылая гневом, Сталинград,
как богатырь, расправил плечи,
по-русски счета свел с врагом —
и наше знамя над полком
заполыхало в междуречье.
Мы гнали день за днем врагов
без передышки из России,
от грозных волжских берегов
мы вновь пошли в края родные, —
за батальоном батальон,
минуя гордый Краснодон,
летел на Харьков и на Киев.
И на груди родной земли
опять зареял стяг багряный,
мы за Карпаты перешли
и руку подали славянам:
в горах, где дремлют облака,
сошлись герои Ковпака
и сталинградцы-ветераны.
О, незабвенный светлый час,
когда от края и до края,
куда б вокруг ни кинуть глаз,
везде прозрачно-голубая
сияла даль. Умолкнул гром,
и тихо воды серебром
звенели в Буге и Дунае.
А на истоптанных лугах
уже шумел травкою ветер,

плоды на раненых ветвях
заговорили вновь о лете.
Победоносно жизнь цвела —
ведь и в боях она была
сильней всего на этом свете!
И поднимались корпуса
в огне порыва трудового.
На стройках вновь росли леса,
как ветви дерева живого,
опять зарницами печей
заискрилась во тьме ночей
земля Олега Кошевого.
О край непобедимый мой!
Ты встал из пепла исполином,
пошел на подвиг трудовой,
сплоченный, дружный и единый,
в семье пятнадцати сестер
от Дона до Карпатских гор
ты расцветаешь, Украина.
Года сменяются, бегут...
Настали времена иные:
опять кипит в забоях труд,
и снова нивы золотые,
и ожил Чепель, и воскрес,
огни рассыпав, Днепрогэс,
и что ни день, то краше Киев.
Стране Советов жить и жить,
цвести и крепнуть год от году,
а кто мечтал поработить
Отчизны вольные народы,
тот пал бесславно, как падет
любой, кто только посягнет
на наше счастье и свободу.

«ОГОНЬ — НА МЕНЯ!»

(Из сталинградских баллад)

Когда, изранена стократ,
сама земля горела,
когда фашисты в Сталинград
рвались остервенело,
дошел по рации, звеня,
скупой приказ комбата:
— Огонь давайте на меня,
скорей огонь, ребята!..

Тот крик души, прорезав тьму,
в ушах стучал, неистов,
но не могли по своему
стрелять артиллеристы,
а он никак не умолкал,
покрыв пальбы раскаты —
свой долг их выполнить он звал:
— Огонь, огонь, солдаты!..
Он то молил их, как друзей —
и старых, и безусых,
то клял их силой сердца всей,
как подлецов и трусов,
грозился, мертвый, их кляня,
обиду помнить свято:
— Огонь давайте на меня,
скорей огонь, ребята!..
Не прерываясь, он гремел,
хлестал в сердца и лица,
и долг солдатский повелел
приказу подчиниться.
Над громом пушек вился он,
в дыму над батареей:
— Огонь!
— Огонь!
— Огонь!
— Огонь! —
пылая, голос реял.
За грозным валом, в свой черед,
подобна урагану,
рванулась гвардия вперед
к Мамаеву кургану,—
и на вершине лишь, скорбя,
смогли увидеть люди,
зачем он вызвал на себя
огонь своих орудий!..
Закрыв дорогу он врагу,
став огневою целью —
все трупы, трупы на снегу —
зеленые шинели,
и, вверх подняв свой мертвый взгляд,
в победу полный веры,
среди врагов лежал комбат,
один — в шинели серой.

ИЗ «КРАСНОДОНСКОЙ ТЕТРАДИ»

1

В час грозового боя,
в пору смертельной стужи
стиснет герой рукою
верную сталь оружия —
и прогремит, прольется
слово над отчим краем:
— Гвардия не сдается,
гвардия умирает!..

Это не скорбь, не молитва,
а боевая присяга,
которую взвила битва
выше, чем пламя стяга,—
и сквозь века пробьется,
в душах людских не тает:
— Гвардия не сдается,
гвардия умирает!..

В праздничный день парада
слава поет стозвонно
воину Сталинграда,
парню из Краснодона.
Гордо она взовьется,
жизнь в ней одно решает:
— Гвардия не сдается,
гвардия не умирает!..

2

За долом до ближней дубравы
ковром расстилаются травы.

Рассвет над землей вырастает
и стебли с лучами сплетает...

О сумрак Гремучего леса,
ты вновь опускаешь завесу

над ужасом адского пира,
что не описать и Шекспиру.

...Местечко зовут Ровеньками,—
к нему, будто к ране руками,

касаюсь я памятью детской:
я рос у него по соседству.

В подвал ровеньковской больницы
его привели, чтоб глумиться,

а после и в лес чуть живого
на казнь повели Кошевого.

Здесь шел он с сестренкой бедовой —
несломленной Любой Шевцовой.

Красивые и молодые,
они уже были седые.

Сегодня дубы там и клены
свои наклонили знамена,

спустилась молчанья завеса.
О сумрак Гремучего леса...

3

Он прожил бы уже полвека,
когда б не тот железный шквал,
который, точно листья с веток,
на стуже дни его сорвал.

Шагнул он в огненную пору
с порога школы — прямо в бой:
и кровью залиты просторы,
и гибель в выси голубой...

Но неизменно, непреклонно
звучит сильнее прочих слов
и клятва юности влюбленной,
и боевой присяги зов.

Поправши смерть, земля родная
встает в сиянье мирных дней —
и он живет, не увядая,
в порыве юности своей.

Мы помним год его рожденья,
любовь к нему хранит народ,
а матери он в сновиденьях
ребенком малым предстает.

Он — скорбь ее, ее забота,
к нему — поток ее тепла:
она выходит за ворота —
и сына ждет, как и ждала...

4

Памяти Никоса Белоянниса

Убитый в Афинах
жестокостью дикою,
нам всем улыбнулся
товарищ с гвоздикой.

Никос, мой брат,
в самой крохотной малости
не покорился ты
бешеной ярости...

И в Краснодаре —
за долами, взгорьями —
маму Олегову
видели в горе мы.

Ранясь поныне
печалью великою,
в письмах она
говорит с Василикою...

В горе никто из двоих
не отчаялся, —
ими гордимся мы
и восхищаемся.

Пусть над землюю моей
и Элладою
всходят гвоздики
багряной балладою!..

Недавно в Краснодоне я
 был радости свидетель:
 спят, как единая семья,
 в своих кроватках дети.
 Им пела няня, чтоб они
 еще спокойней спали...
 На елке жаркие огни
 к утру едва привяли.

И пред картиною такой
 я затаил дыханье,
 боясь хоть чем-нибудь покой
 нарушить утром ранним.
 Я, ветеран, вообразил:
 в час мирный в Краснодоне
 планета спит для новых сил
 на трепетной ладони...

Я должен в мире мир блюсти,
 как велено солдату,
 хранить и звездные пути,
 и крохотную хату.
 Я знаю свой нелегкий труд
 и эти «люли-люли»,—
 пусть с миром новые растут
 Олеги, Любы, Ули.

Даря нам в порыве рабочем
 несметных сокровищ запас,
 бушует, гремит и клокочет
 земля моей жизни — Донбасс.

Растет он, огнями сверкая,
 навек в свое сердце вобрав
 простор без конца и без края
 и в звездах, и в шелесте трав.

То бурно, как лавой вулкана,
 потоком хлестнет огневым,
 то зарево плавки багряно,
 как знамя, взвывается над ним.

В цехах и забоях — повсюду,
где доблесть, порыв, мастерство,
творится подобное чуду
рабочее дело его...

Я сын горняка и крестьянки,
и, может быть, мне потому
близки полевые делянки
и шахты в громах и дыму.

Друзей наилучших на свете
и небо, и землю свою
я, приняв душой, как наследник,
грядущему в дар отдаю.

7

Когда напряженно и строго
я жизнь озираю свою,—
опять фронтовою дорогой
иду в непрерывном бою.

Ведь сердце бойца-ветерана
всегда по дороге такой
идет до сих пор неустанно,
хотя и хромает порой...

Стремлюсь я к ней снова и снова,
за грань уже прожитых лет,
и в роте отважной стрелковой
ищу свой потерянный след.

Я там — не подростком, а мужем,
прошедшим сквозь пламя и дым,—
был с доблестным воинством сдружен,
навек мне ставшим родным.

И все, что мне снилось когда-то,
все то, что вставало вдали,
собрал в свое сердце солдата
во имя родимой земли.

Щемит мое сердце, как рана,—
оно по дороге крутой
поныне идет неустанно,
хотя и хромает порой...

Живет легенда: Прометей
добыл огонь для всех людей.

За это злой рукой во мгле
прикован цепью был к скале.

Но взял народ себе тогда
огонь священного труда.

...Прошли века. Потоком лет
чудесный не погашен свет.

Легенда — в памяти людской,
в ее сиянье — шар земной.

Огнем бесценным мир согрет,—
ведь Прометей не умер, нет!

Освобожденный от оков,
явился он из тьмы веков.

Тепло и свет для всех людей
несет донныне Прометей.

Огонь, что миру он дарит,
высоким пламенем горит.

Героя смел и ясен взор —
зовут его теперь Шахтер.

Над краем геройства и славы
редет полночная мгла,
и вновь поднимаются травы
от первых лучей и тепла.
Желтеет подсолнух глазастый,
сквозь листья сочится заря...

Донеччина милая, здравствуй
Поклон тебе, радость моя!

Бесшумно скользят вагонетки,
дымок поднимается ввысь,
деревьев упругие ветки
вдали с проводами сплелись.
В огнях полустанков распластан
Донец, свою глубь затая...
Донеччина милая, здравствуй!
Поклон тебе, радость моя!

Земля умывает росую
в рассвете свой лик молодой
и снова, сияя красою,
на вахте стоит трудовой,—
всегда и дружна и прекрасна
шахтерская наша семья...
Донеччина милая, здравствуй!
Поклон тебе, радость моя!

9 МАЯ 1945 ГОДА

Тают злые дымы,
отшумела война,
и блокаду зимы
прорывает весна.
Не бомбежка вдали
и не «юнкерса» вой —
вновь трубят журавли,
возвращаясь домой.
День, рожденный из тьмы,
синева, тишина...
Сквозь блокаду зимы
прилетела весна.

РАБОЧИМ РУКАМ

Мы в сражениях шли Украиною —
сердце стыло над каждой руиною.
Простиралась земля опаленная,
нераспаханная, разоренная...
Но под каждой разбитою кровлею
мы клялись нашей дружбою кровною.
И мы знали, что звонкой пшеницею
Украина воздаст нам сторицею.
Мы сильны были узами братскими
и делились пайками солдатскими...

Украина свободной, счастливою
поднялась колосистою нивою.
Люди здесь — от серпа и от молота,
на груди у них — звезды из золота.
Силу сердца они не растратили,
жизнелюбы, творцы, созидатели,
что в порыве геройства и доблести
трудовые прославили области.
Украина встает, золотая,
в орден Ленина колос вплетая.

ДОРОГА В СТЕПИ

Беря с разгона крутояр,
прыжком преодолев Айдар,
степями стелется шоссе
в пшенице и овсе.

А по шоссе под шепот шин
бежит спеша поток машин,
и бьет заря огнем прямым
по стеклам ветровым.

Окинешь взглядом здешний край —
богатый нынче урожай,
одета в тучные поля
донецкая земля.

Идти комбайну нелегко:
фронт развернулся широко,
пшеницы высока стена,
бурлив поток зерна.

А по заре в лучах зари
идут хлебами косари
и так напоминают мне
пехоту на войне...

Бывало, далью фронтовой
я шел донецкой стороной,
у огневого рубежа
равнение держа.

Гляжу — и вновь сдаётся мне:
идет пехота по стерне,
а где кончается стерня —
там линия огня.

СЕНТЯБРЬ

Пронеслось над нами
лето за моря —
веет над полями
ветер сентября.

Тучи над равниной
взмыли в синеву,
белой лебединой
стаею плывут...

За Донцом-рекою
на крутой горе
косари покоя
не дают заре.

В города и села,
золота, светла,
гостьею веселой
осень прибыла.

Мне милей с годами
тучек легких тень,
краснотала пламень,
ясный дивный день,

зорька молодая,
сплохи зарниц,
крик далекой стаи
перелетных птиц.

Я всходил на горы,
где чужа земля,
и не те просторы,
и не те поля.

А в родимой хате,
в стороне родной
даже дым приятен,
весел дождь любой.

Ярко расцветает
осень, как весна.
Родина, святая,
светлая страна!..

ПРАЗДНИК В НАШЕЙ АРТЕЛИ

Веет доброю весною
на широком свете,
ходит ветер стороною
в поле на рассвете,
за хлебами молодыми
все садочки, словно в дыме,
в яблоневом цвете.

Нарядились абрикосы
в тишине садовой,
заплели в тугие косы
яркий цвет пунцовый
и стоят в нарядном платье,
словно девушки на свадьбе,
гордые обновой...

А уж на холме покатою
все село не спало —
на дворе, а не по хатам,
солнышко встречало.
И в такой весенней рани
возле школы на майдане
тесно людям стало.

Знаменитейший в районе
бригадир Микола
сыплет танцы на гармонии,
сев у частокола,—
и уж начало казаться,
что не девушки кружатся,
а дома и школа.

Дробот пляски над майданом
с песнями да свистом —
с Гайдученковым Степаном,
рослым трактористом,
легким шагом, словно пава,
ходит звеньевая Клава
и звенит монистом.

Взгляд задорный и лукавый,
в косах ленты ярки,
чуть прищурясь, скажет Клава:
— Что, мол, Коля, жарко?
А Микола, нажимая,
крикнет: — Ой да звеньевая, —
все отдашь — не жалко!
Перелески и дубравы
танцу в лад шумели.
Вышел в круг за нашей Клавой
счетовод артели,
грузный, с пышными усами,
все кричат: — Играй басами,
раз мужчина в теле!

Звуки льются, звуки мчатся,
не дают покою,
хорошо кружиться в танце,
кончив с посевною.
«Распрягайте, хлопцы, кони» —
голос ласковой гармонии
кличет за собою.

Председатель молвил слово:
— Хлопцы и дивчата,
с урожаем будем снова,
по труду и плата!
Чтобы нас повсюду чтили,
чтобы мы в артели жили
честно и богато!..

ОГОНЬ НЕ ГАСНЕТ

Певец свободы
не умирает:
проходят годы —
огонь пылает.
Муза поэта —
свежесть рассвета.

Не смех далекий
звенит в тумане, —
напевов строки —
набат восстаний.

Дума поэта —
сила рассвета.

Сквозь дни и ночи
борьбы кровавой
нам светят очи
надежды правой.
Песня поэта —
ясность рассвета.

Героя-сына,
певца свободы
чтит Украина
чтят все народы.
Слава поэта —
пламя рассвета.

ЛЕТНЯЯ ГРОЗА

Утром ветер расколывает,
разволнует травы
возле сада, возле вишен,
возле переправы —
и проснется непогода,
грохоча и воя,
возле мельниц, возле брода,
возле водопоя.

И полуденной порою
потемнеет круча —
то над Лысою горою
пролетает туча,
пролетает, словно память
о былой тревоге,
и всплывают перед нами
грозные дороги...

Голубыми вечерами
над рекой прохладно —
освежиться бы ветрами,
да в душе неладно:
туча хмуρο нависает
и клонится долу,
но влюбленных не пугает
возле Суходола...

Ветер в полночи колышет
и сердца, и травы
возле яблонь, возле вишен,
возле переправы,—
пусть же царствует природа
среди ветров и зноя
возле мельниц, возле брода,
возле водопоя!

ДОРОЖЕ ВСЕГО

Всегда проспекты городские
и многолюдны, и шумны,
потоки движутся людские,
забот и дел своих полны.

Приехавшие из районов —
и взрослые, и детвора,
бойцы армейских батальонов,
искусств различных мастера;
хозяйственники и студенты,
завмаги и отставники,
от всех газет корреспонденты,
инспектора, отпускники;

писатели да инженеры,
преподаватели, врачи,
побритые пенсионеры
и юные бородачи...

Перегруженные делами,
с поспешностью — и те, и те —
суют конверты, телеграммы
и все решают в суете.

Снуют повсюду, непоседы,
и предоставлены им всем
троллейбусы, велосипеды,
автомобили всех систем.

Людской поток, домов теснина —
и вот неожиданно путь открыт:
то «скорой помощи» машина
стремглав по городу летит...

Сирены звук томит до дрожи,
и все застыли оттого,
что нету ничего дороже,
чем человек и жизнь его.

МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ

В океане, на Сахалине
голубеет рассветный час,
а в Карпатах, на полонине,
луч вечерней зари погас,
но всегда — где б ты ни был ныне —
бой курантов сближает нас.

Расстояния все короче:
через горы, леса, поля
звезды алые днем и ночью
ясно видит моя земля.
Сколько радости нам пророчит
каждый звук позывных Кремля!..

Над Якутией и Молдовой
вещий звон от Москвы плывет,
жаркий юг и север суровый
встретят полночь или восход, —
по курантам Кремля родного
наш великий Союз живет.

Голос их пролетит Алтаем,
он коснется волны Донца,
он пройдет необъятным краем —
далью солнечной без конца, —
с этим голосом мы сверяем
не часы, а свои сердца.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Еще бурлят войны истоки,
еще тревоги давят грудь,
еще стремятся лжепророки
принизить ленинскую суть;

еще несут шальные ветры
немало кривды и беды,
оттуда, где клеветуют щедро
и злобствуют на все лады;

еще врагам поныне снится,
забывшимся в глухой норе,
желтоблаkitная тряпица,
разорванная в Октябре;

но твердо помнят все народы,
что мы умеем постоять
за светоч правды и свободы
и не пойдем вовеки вспять:

перед планетою в ответе,
озарены грядущим днем,
мы знаем, для чего на свете
под стягом Ленина живем.

ИЗ ЛИРИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА

Я не один, я не один
гулял в тени дубов,
когда днепровские сады
цвели в сиянии воды
и мне несли любовь.

И струны ливней натянул
меж берегами вешний гул.

Я не один, я не один
бывал в глухих ярах:
вечерний час в избытке сил
туда мне свежесть приносил
на молодых ветрах.

Растаял снег — и скрылся лог,
а с ним и след девичьих ног.

Я не один, я не один
грущу, но верю я:
в яры, в весенний сон ложбин
приду опять при звоне льдин,
сказав тебе:

— Моя...

* * *

Качнет лишь ветер зелена
прохладною рукой,—
тотчас же трогает меня
забытый образ твой...

Лавин обвал, рассветов дым,
орлиных крыльев взмах,
когда еще был молодым,
увидел я в горах.

Пусть далеко былое, пусть
замглилась даль дорог,
но все же я найду тот путь,
что на сердце сберег.

Немые скалы в вышине
и моря непокой
всегда напоминают мне
высокий образ твой.

* * *

Как только крылья оперятся,
почуют силу наконец,
взлетает ввысь, чтоб в завтра мчаться
просторам отданный птенец.

Полет, порыв орлиной воли,—
чем выше, тем ясней видать.
В покинутом гнезде, на поле,
ждет озабоченная мать.

Бесценен дар, нам данный ею,
взмахнувшим крыльями сынам,—
над миром необъятным реять,
подобно зорям и орлам.

* * *

Минуя горы и долины,
шел по чужой я стороне,
когда с далекой Украины
ты весточку прислала мне.

И вновь к тебе, в свою сторонку,
дорога сердца пролегла,
туда, где ты растишь ребенка —
кусочек нашего тепла.

* * *

Упала книжка за кроватку,
забыты игры.. Тишина.
Дочурка задремала сладко,
улыбкою озарена.

Не знаешь, ты моя отрада,
что рядом я с тобой стою:
как ночь мою отец когда-то,
оберегаю ночь твою.

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Люблю зимою, днем погожим,
когда скрипит зернистый снег,
бродить мечтательным прохожим
в раздолье, далеко от всех.
В лицо бьет ветер, обжигая,
влетает снег за воротник, —
смеюсь я, свитер поправляя,
иду полями напрямик.
И за равниной белоснежной
предстали въявь, как никогда,
повиты снова дымкой нежной,
далекой юности года.
Я помню, помню и доньше,
как снег завесил оком,
как по завьюженной долине
бежали мы с тобой вдвоем...
Пусть замела следы пороша,
я слышу, как в былые дни,
той русой девушки хорошей
призыв задорный: «Догони!»

Воскресло радостное слово,
мне брошенное на бегу,
лишь я, зиму встречая снова,
следы увидел на снегу.

Я шел туда, где юность кличет,
я шел по сдвоенной лыжне,—
казалось, слышал смех девичий,
и так завидно было мне...

* * *

Когда зацветают каштаны
в моем приднепровском краю
и снова плывут караваны
в дорогу большую свою,—
с тобой мы выходим на берег Днепра,
где солнце все ярче сияет с утра,
где юность, весенняя наша пора,
когда зацветают каштаны.

Когда зацветают каштаны,
мы бродим вдвоем до зари,
уж месяц растает румяный,
погаснут давно фонари,—
не молви ни слова, любимая, мне,
вернее сердца говорят в тишине:
крылатое счастье сильнее вдвойне,
когда зацветают каштаны.

Когда зацветают каштаны
и ветер в садах запоет,
любовь никогда не увянет,
пышнее и ярче цветет,—
пусть годы пройдут, не спросившись у нас,
мы вспомним с тобою, родная, не раз
и лунные ночи, и юности час,
когда зацветают каштаны.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Имя его. <i>Перевод Б. ПАЛИЙЧУКА</i>	3
Украинская дума. <i>Перевод Д. СЕДЫХ</i>	5
«Огонь — на меня!» <i>Перевод П. АЛДАХИ-НА</i>	11
Из «Краснодонской тетради». <i>Перевод Л. ВЫШЕСЛАВСКОГО</i>	13
«В час грозового боя...»	13
«За долом до ближней дубравы...»	13
«Он прожил бы уже полвека...»	14
«Убитый в Афинах...»	15
«Недавно в Краснодоне я...»	16
«Даря нам в порыве рабочем...»	16
«Когда напряженно и строго...»	17
«Живет легенда: Прометей...»	18
«Над краем геройства и славы...»	18
9 мая 1945 года. <i>Перевод Я. ХЕЛЕМСКОГО</i>	19
Рабочим рукам. <i>Перевод Л. ВЫШЕСЛАВСКОГО</i>	19
Дорога в степи. <i>Перевод К. ОРЕШИНА</i>	20
Сентябрь. <i>Перевод П. ЖУРА</i>	21
Праздник в нашей артели. <i>Перевод Е. ВИНУКUROVA</i>	22
Огонь не гаснет. <i>Перевод К. ОРЕШИНА</i>	23
Летняя гроза. <i>Перевод Л. ВЫШЕСЛАВСКОГО</i>	24
Дороже всего. <i>Перевод Л. ВЫШЕСЛАВСКОГО</i>	25
Московское время. <i>Перевод Л. ТИТОВОЙ</i>	26
Предостережение. <i>Перевод Л. ВЫШЕСЛАВСКОГО</i>	26
Из лирического дневника	27
«Я не один...» <i>Перевод Л. ВЫШЕСЛАВСКОГО</i>	27
«Качнет лишь ветер зеленыя...» <i>Перевод Л. ВЫШЕСЛАВСКОГО</i>	28
«Как только крылья...» <i>Перевод М. ШЕХТЕРА</i>	28
«Минуты горы и долины...» <i>Перевод П. ВЯЧЕСЛАВОВА</i>	28
«Упала книжка за кроватьку...» <i>Перевод П. ВЯЧЕСЛАВОВА</i>	29
Следы на снегу. <i>Перевод П. ВЯЧЕСЛАВОВА</i>	29
«Когда зацветают каштаны...» <i>Перевод П. ЖУРА</i>	30

Микола УПЕНИК

УКРАИНСКАЯ ДУМА

Редактор М. М. Ж и г а л о в а

Технический редактор О. Н. Л а с т о ч к и н а

Сдано в набор 18.06.86. Подписано к печати 28.08.86. А 00720. Формат $70 \times 108 \frac{1}{32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,61. Усл. кр.-отт. 1,58. Тираж 80 000 экз. Изд. № 1926. Зак. № 3215. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ДЛЯ ВАС, КНИГОЛЮБЫ!

В книжных магазинах книготоргов и потребсоюзов Российской Федерации книги можно не только купить, но и приобрести их по выигрышным билетам Всероссийской книжной лотереи.

Стоимость билета — 25 копеек. Сумма выигрыша (50 копеек, 1, 3 и 5 рублей) указана на внутренней стороне запечатанного билета.

Вероятность выигрыша велика, так как из каждых 200 билетов — 69 выигрышных!

По выигрышным билетам можно приобрести любую книгу или другие печатные издания по своему выбору из наличного ассортимента книжного магазина или киоска.

Если сумма выигрыша меньше стоимости выбранной вами книги, можно произвести доплату наличными деньгами.

Прочитанные книги вы можете предложить книжным магазинам для повторной продажи. Этим вы окажете добрую услугу другим книголюбам.

**Росглавкнига
Дирекция Всероссийской
книжной лотереи**